

DOI 10.15826/izv2.2017.19.1.011
УДК 94(470.5) + 005.584:005.742 +
+ 622.012.7

М. В. Пороунов
А. М. Сафронова

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

НАКАЗ В. Н. ТАТИЩЕВА ОТ 1723 г. ЗАВОДСКОМУ КОМИССАРУ ФЕДОРУ НЕКЛЮДОВУ О ДОКУМЕНТИРОВАНИИ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РАБОТЫ КАНЦЕЛЯРИИ

В статье впервые в отечественной историографии анализируются нормы наказа заводскому комиссару Федору Неклюдову с точки зрения документирования его деятельности и работы канцелярии под его началом. Наказ был разработан В. Н. Татищевым сразу же после снятия с него вины по жалобе Н. Демидова и допуску к решению дел в Горном начальстве в октябре 1723 г. Он является наиболее важным и объемным нормативным документом, разработанным В. Н. Татищевым в первый период его пребывания на Урале в 1720–1723 гг. Положения наказа явились важным шагом в развитии норм Генерального регламента 1720 г. применительно к заводскому делопроизводству, заложили основы его организации в местных органах управления и непосредственно на самих предприятиях. Сравнение наказа 1723 г. с наказом комиссару Т. Бурцеву 1721 г. и другими нормативными актами Татищева, затрагивавшими аналогичные вопросы, позволило сделать выводы о формировании нового вида «записных книг», фиксирующих входящие, исходящие, внутренние документы, введении порядка их составления, систематизации документов при формировании дел, усилении мер по их сохранности. Были сформулированы требования о составлении реестров (описей) документов внутри дела, установлены разновидности документов, которыми следовало обмениваться заводскому комиссару и его канцелярии с вышестоящими учреждениями и должностными лицами, нижестоящими, равного им уровня.

К л ю ч е в ы е с л о в а: В. Н. Татищев; Урал; казенные заводы; заводской комиссар; наказ; делопроизводство; канцелярия; организация работы с документами; документирование деятельности.

Первые исследователи истории горных заводов Урала, начиная с И. Ф. Германа [Герман, с. 44], упоминали о наказе заводскому комиссару Неклюдову как о важном документе, разработанном начальником заводов В. И. де Генниным, основываясь на том, что он был скреплен его подписью. В. Н. Берх в жизнеописании де Геннина отмечал, что наказ «долгое время имел силу закона и, по подробности своей и основательности, заслуживал большое внимание» [Берх, с. 99]. Н. А. Попов, написавший первую монографию о Татищеве, повторил ошибку своих предшественников в отношении авторства наказа [Попов, с. 49]. Уральский историк Н. К. Чупин, выявив текст наказа в делах Уральского

горного управления, на основе текстологического анализа привел убедительные доказательства в пользу авторства Татищева и процитировал некоторые его пункты [Чупин, с. 82]. П. А. Иванов опубликовал названия глав наказа 1723 г. в приложении к своей работе, но опять-таки под авторством В. И. де Геннина [Иванов, с. 8].

По мнению советского историка А. Г. Козлова наказ 1723 г. Татищева, «включенный в заводской устав 1735 г., определил основные принципы организации управления различными частями производства не только для Екатеринбургского завода на весь период его существования (1723–1808 гг.), но и для других заводов Урала и Сибири» [Козлов, с. 17]. А. И. Юхт, кратко перечислив некоторые обязанности комиссаров в административно-управленческой деятельности, подчеркнул, что «подробный анализ наказов 1721 и 1723 гг., сопоставление их между собой и Заводским уставом 1735 г., составленным под руководством Татищева, может быть предметом специальной работы» [Юхт, с. 156]. В 1990 г. под редакцией А. И. Юхта вышел сборник документов, в котором впервые были опубликованы полные тексты наказов В. Н. Татищева заводским комиссарам 1721 и 1723 гг. [Татищев, с. 52–65, 69–95]. Л. С. Соболева охарактеризовала их содержание с точки зрения «представлений В. Н. Татищева о тех направлениях в развитии края, которые должны были обязательно учитываться в задаче его преобразования» [Соболева, с. 16]. А. М. Сафронова проанализировала нормы обоих наказов, регламентировавшие организацию школ при заводах, показала значение наказа 1723 г. как первого плана развития Екатеринбурга и организации в нем медицинской службы [Сафронова, 1998; 2000, с. 12–21; 2002, с. 13–14; 2014, с. 135–138, 140–145].

Между тем, наказ заводскому комиссару 1723 г. представляет научный интерес как документ, в котором Татищев большое внимание уделил вопросам документирования деятельности этого должностного лица и, основываясь на положениях Генерального регламента 1720 г., развивая положения предшествующего наказа 1721 г., заложил основы организации делопроизводства при заводах Урала. Изучение этого вопроса впервые является предметом научного исследования. При этом раскрываются причины и обстоятельства разработки наказа 1723 г., вопрос о территории его действия, анализируются его нормы, касающиеся организации делопроизводства, причем в сравнении с аналогичными положениями наказа 1721 г., чтобы показать их развитие во времени. Вопрос о претворении этих норм в жизнь, их последующей трансформации станет предметом отдельной статьи.

Начнем с выяснения вопроса о том, почему понадобился новый наказ и при каких обстоятельствах он составлялся. Когда Татищев с группой специалистов в 1720 г. был отправлен Берг-коллегией на Урал, в ее ведении находилось всего два казенных завода — Уктусский и Алапаевский. Татищев создал в Кунгуре первый орган управления этими заводами, Канцелярию горных дел, 30 декабря 1720 г. перевел ее на Уктус. 27 февраля 1721 г. вручил комиссару Т. Бурцеву наказ, регламентировавший его обязанности в отношении обоих заводов и одновременно организацию делопроизводства при них [Татищев, с. 52–65].

В феврале 1723 г. горная власть добилась передачи от губернии в ее ведение Каменского завода. Строился новый Екатеринбургский завод, самый мощный, куда летом 1723 г. переместились с Уктуса многие конторы и само Сибирское высшее горное начальство, все чаще именуемое Обер-бергамтом. С апреля 1722 г. Татищев был отстранен от руководства заводами из-за жалобы на него Н. Демидова. Во время следствия Татищев выполнял отдельные поручения нового начальника, генерала де Геннина. С июня 1723 г. он находился в Кунгуре, Егошихе, Соли Камской и Пыскоре, ведал строительством пермских заводов. Вернулся в Екатеринбург 4 октября 1723 г., получив известие от де Геннина о снятии с него вины указом Петра I. На этом основании Татищева можно было привлечь к решению дел, и он был определен главным членом Обер-бергамта [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 1636а, л. 21 об.; Чупин, с. 81–82].

Видимо, именно в эти дни Татищев полностью отдался разработке нового наказа заводскому комиссару — самого объемного документа, составленного им за все время пребывания на Урале с 1720 г. Наверняка, инициатива исходила от самого Татищева, а санкционирована была де Геннином — без его одобрения Татищев не принялся бы за столь важную работу. Прошло почти три года с момента издания наказа комиссару Т. Бурцеву, жизнь заводов неимоверно усложнилась, удвоился сам состав предприятий, резко увеличился поток документов. Требовалось закрепить значительно расширившийся круг полномочий комиссара, оформить на нормативном уровне его новые обязанности. К тому же предстояло назначить на эту должность постоянное лицо — после смерти Ф. Еварлакова, с 22 мая 1723 г. его обязанности временно исполнял подьячий Е. Костромин. Для разработки наказа обстоятельства сложились весьма удачно: сама практика заводского управления требовала разработки нового документа и появилась возможность привлечь к этому Татищева. Никто не мог справиться с этой работой лучше него: за плечами накоплен опыт руководства заводами, составления разного рода нормативных документов, в том числе разработки первой инструкции; затем — год практического участия в делах заводов.

Судя по записной книге Исетских заводов, 14 октября 1723 г. состоялось назначение комиссаром Федора Неклюдова, трудившегося ранее подьячим на Каменском заводе, в Тобольской земской канцелярии, в мае 1723 г. возвращенного в заводское ведомство. Приговор де Геннина гласил: «определяю здесь, при новостроящихся Екатеринбургских заводах заводским камисаром подьячего Федора Неклюдова и все здешние заводские дела вручаю ему, Неклюдову, також Уктуских, Каменских и Алапаевских заводов завоцким делам быть у него ж под ведением». Предписывалось на заводы к приказчикам послать указы, чтоб ему «послушны были». Неклюдову поручались заводские дела, прием приходно-расходных ведомостей, подготовка их к отправлению в Берг-коллегию [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 1636а, л. 112 об.]. Таким образом, сам начальник заводов четко очертил сферу деятельности комиссара — она распространялась на все четыре завода. Комиссар являлся средним звеном между Горным начальством и управителями заводов — приказчиками.

Отметка под текстом наказа гласила, что он был вручен Неклюдову для исполнения за подписью де Геннина 15 октября 1723 г. [Татищев, с. 95], на следующий день после назначения. Таким образом, Татищев мог вплотную работать над составлением наказа в Екатеринбурге с 5 по 14 октября, т. е. на протяжении 10 дней. Число глав по сравнению с наказом 1721 г. было увеличено им с 10 до 15, число пунктов в них — с 73 до 222.

Чтобы понять новизну норм наказа 1723 г., изучение его текста мы провели в сравнении с наказом 1721 г., привлекая и другие акты, изданные Татищевым как начальником заводов в 1720–1722 гг., касавшиеся делопроизводства [см.: Порунов]. В главе первой наказа Бурцеву, не имевшей названия, всего 5 кратких пунктов касались порядка заполнения документов. В наказе 1723 г. появилась специальная глава первая «*О содержании канцелярии и канцелярских порядков*», состоявшая из 10 развернутых пунктов, регламентировавшая эти вопросы и предписывавшая в приказ «по вся указные дни ходить безленостно, и о делех потребных решения чинить немедленно» под угрозой уплаты пени против Генерального регламента (п. 1) [Татищев, с. 69].

В п. 2 подробно расписывалось, в каких книгах фиксировать принятые решения и поступающие в приказ документы, а также исходящие из него. Наказом 1721 г. предусматривалось иметь три вида книг: 1) протокол, в котором фиксировать все принятые в приказе «определения»; 2) «ропись», в которой «всякие письма приходящие и отходящие записывать имянно» с указанием даты получения, отправки, «вершено ль или нет», расписываться, кто письмо примет; 3) дневальную книгу с записью, какие дела и предложения были, кто куда отъехал, прибыл, с чем, какое учинено наказание и пр. [Там же, с. 53].

В Наказе 1723 г. В. Н. Татищев называет уже семь видов «записных книг», которые полагалось вести в канцелярии, против прежних трех, и дает их более четкую систематизацию. Они уже подразделяются на фиксирующие документы входящие, исходящие, внутренние и формируются в зависимости от роли, значения, которое им придается в управлении заводами: 1) книги приходящим указам, т. е. указам из Горного начальства; 2) «посланным доношениям», т. е. отправленным из канцелярии комиссара в вышестоящее Горное начальство; 3) «поданным вам доношениям», т. е. поступавшим от управителей заводов — приказчиков, глав земских контор, ведавших приписными к заводам крестьянами и обеспечивавших их выход на заводские работы; челобитным от мастеровых и работных людей; 4) «посланным от вас указам» — т. е. отправленным в нижестоящие инстанции. В виде самостоятельных книг должны были составляться протоколы, дневальные и «рописи» [Там же, с. 69–70].

Татищев подробно расписывает, как вести эти «записные книги», дает конкретные указания по этому поводу. В первой книге должны фиксироваться подлинники указов Горного начальства с указанием числа их написания, во второй — «кратко» излагаться содержание доношений, отправленных в Горное начальство. При этом предписывалось указывать «номер, где черное лежит, а когда отповедь получишь, подписать при том же на стран[иц]е, которого числа

получена и где она». Так же следовало поступать и с документами, регистрировавшимися в третьей и четвертой книгах (при раскрытии содержания автор перепутал их номера).

В книгу протоколов полагалось «записывать всякие приговоры и при том номере, где то дело и у кого». Оговаривалось: «ежели же что сам усмотришь вновь потребное сделать или кому указ послать, також и самому куда для дела государева ехать, то велеть прежде приговор записать в протокол, объявля причину, чего ради, и в той книге тебе закрепить самому» [Татищев, с. 69]. Таким образом, в книге протоколов должны были фиксироваться все инициативные решения, принятые заводским комиссаром, в том числе о его предстоящих поездках с указанием, куда едет и зачем. Если кто-то из членов канцелярии призывался для совета, то в графе исполнения следовало указать, которого числа это совместное решение было исполнено.

В отношении заполнения дневальной книги повторялись нормы наказа 1721 г.: указывать, «кто был в канцелярии, ежели не был, зачем, что словесно кому приказано, кому наказанье и за что учинено, ездил куды, и протчее, дабы впредь можно видеть, когда что сделано» [Там же, с. 70]. Но некоторые уточнения имели место. Если в 1721 г. следовало «указывать, которого дня был в приказе» сам комиссар [Там же, с. 53], то с октября 1723 г. надо было указывать фамилии всех присутствующих и причину отсутствия кого-то из управителей.

В наказе 1723 г. появился новый пункт, предписывающий наряду с дневальными книгами, фиксирующими ежедневную работу в самой канцелярии, составлять и дневальные книги в ходе поездок комиссара и его подчиненных по заводам. В них указывать, «какого дня был, что сделал или велел сделать письменно и словесно, також ежели от кого что нужное услышишь» [Там же, с. 70]. Закрепив, т. е. подписав эту дневальную книгу, следовало отдать ее в канцелярию, внести «в роспись», т. е. в книгу входящих дел. При этом кратко зафиксировать ее содержание и в протоколе, что вполне логично: ведь в дневальной книге фиксировались действия одного из членов в ходе поездки, дополнявшие решения, принятые в канцелярии в его отсутствие. Таким образом, в протокольной книге концентрировались все решения начальства. По возвращении комиссар должен был проверить, все ли дела решались правильно, если нет, исправить. Впервые мы видим предписание комиссару: при отъезде хотя бы на несколько дней, «приказывать тебе, заводы кому верить можешь и дать ему письменной указ, что без тебя делать, и протчим велеть быть ему послушным» [Там же]. Таким образом, вводился порядок замещения начальника канцелярии на среднем уровне, нечто вроде временно исполняющего обязанности (п. 3). Подчеркнем, что дневальные книги как вид документов не упоминались в Генеральном регламенте, были введены Татищевым и прочно вошли в заводскую практику — поездки членов Горного начальства, комиссаров для осмотра заводов, рудников совершались постоянно.

Переписывая п. 6 из наказа 1721 г. о запрете подьячим ошибочно написанное в документе слово «чернить и чистить» (в новом наказе это п. 4), Татищев убавил штраф подьячим за каждую описку с 5 коп. до 3 коп. [Там же, с. 53, 70].

Были повторены положения об особом внимании к хранению указов, объявленных в народ, т. е. законов и особо ценных нормативных актов, предписания о чтении указов попу в церкви по три дня после обедни «для лутчего всем известия» и объявлении на торжище с барабанным боем. При этом Татищев добавил: указ «прибить на торжище к столбу, которой имеет быть прикрыт» (п. 5). Таким образом, наряду с прослушиванием указов в церкви и на торжище у владевшего грамотой населения появилась возможность знакомиться самостоятельно с текстом важных указов. Поэтому и предписывалось в целях более длительного сохранения копии документа прикрывать ее от непогоды.

В п. 8 уже предусматривалась систематизация документов по их разновидностям при формировании дел (книг) по истечении года. Предписывалось: «По прошествии года все дела разобрать: первое — указы, второе — доношения от завоцких управителей и фискалов, третье — ведомости от заводов, четвертое — челобитчиковы, каждые порознь и переплетать в книги со оберткою коженою» [Татищев, с. 70]. Такая систематизация, безусловно, способствовала бы облегчению поиска документов подьячими при наведении справок, составлении выписок.

Здесь же Татищев развил и положения о создании справочного аппарата к документам, изложенные ранее в наказе Бурцеву, данному 2 января 1722 г. перед отъездом в Москву. Если тогда Татищев приказал создавать «росписи» и «азбуки» к книгам, в которых собраны «завоцкие и подлинныя указы о всяких делех» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 4а, л. 673], то наказом 1723 г. предписал делать «в конце каждой книги всем делам, о чем или о ком касается, роспись и притом число листа назначить» [Татищев, с. 70]. Под этой «росписью» следует понимать внутреннюю опись к документам, переплетенным в книгу, с указанием страниц, на которых они расположены. Так было положено начало составлению внутренних описей всех заводских дел, находившихся внутри объемных книг, что при необходимости использования — составлении справки, выписки — способствовало бы более быстрому нахождению документов. Кроме того, от подьячих требовалось составить «краткую роспись по азбуке всяких имен на весь год особную книгу, в которой токмо назначить книгу и лист, где сыскать» [Там же]. Таким образом, должен был появиться и краткий именной справочник к делам за каждый год для внутреннего употребления. В Генеральном регламенте, текст которого Татищев привез на Урал в 1720 г., упоминалось лишь о составлении актуариусом реестра получаемых в коллегиях «писем», чтобы использовать его как контрольный документ при выдаче этих документов на руки служителям (гл. 32) [ПСЗ-1, т. 6, № 3534, с. 152].

Предусматривалась еще одна важная мера, обеспечивающая длительное безопасное хранение — передача сформированных книг по окончании года в «книгохранительницу». При этом из инструкций и наказов, «которые часто во употреблении нужны для справки и выписок», предписывалось «нужное выписать и держать в канцелярии, а подлинным быть в книге и держать в книгохранительнице» (п. 9) [Татищев, с. 70]. Заводской комиссар обязывался скреплять своей подписью каждое из передающихся в книгохранительницу дел.

Впервые термин «книгохранительница» Татищев употребил в «Представлении» Сибирскому горному начальству о делах, «решения требующих», данном в январе 1722 г. перед отъездом в Москву и опубликованном А. И. Юхтом в приложении к статье: «О канцелярии при Вышнем горном начальстве надлежит нам требовать позволения построить каменную з добрыми книгохранительницы, дабы от пожаров, от которых может случится великой вред, безопасны могли быть» [цит. по: Юхт, с. 188–189]. В наказе 1723 г. Татищев пишет о передаче дел в книгохранительницу как уже о решаемом на практике вопросе. Генеральный регламент 1720 г. (гл. 44) предписывал передавать дела из канцелярий и контор в архив через 3 года после их появления в делопроизводстве, изъяв из них «особливые уставы, регламенты и все те документы и книги, которыя в Коллегиях и Канцеляриях и Конторах для справки, и правила их всегда при них имеют быть» [ПСЗ-1, т. 6, № 3534, с. 156]. Татищев же, напротив, предписывает копировать положения нормативных документов, использовать их в повседневном делопроизводстве, а подлинники держать в книгохранительнице. Как следует из доношения де Геннина в Берг-коллегию, в феврале 1724 г. в Екатеринбурге, наряду с гостинным двором, церковью, школой, больницей и другими зданиями строили и «письмохранительную полату» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1036, л. 96 об.].

В наказе 1723 г. появляется особая глава «*О суде и наказании*», состоящая из 21 пункта. В наказе 1721 г. этому посвящалось лишь 5 пунктов первой главы. Заводскому комиссару с подчиненными поручалось: «Над всеми заводскими служители и работники чинить вам суд как в делах государевых, так и в их собственных спорах <...> самую сущею правдою, не щадя виновного, ни посягая на правого, и ни для коея страсти, а для лутчего предохранения» (п. 1) [Татищев, с. 71]. В п. 3 уточнялся круг подсудных лиц: заводские служители, постоянные и вольно пришедшие, «кроме драгун, купечества, крестьян, бобылей», и состав подлежащих заводскому суду дел — «в собственных их враждах и в винах» [Там же]. В п. 19 добавлялось: «Драгун и посатских за вины их к наказанию отсылать к их начальником, а вам самим не наказывать» [Там же, с. 73].

Дела, касающиеся заводских управителей «во вреде пользы государственной», разрешалось «исследовать подлинно», привлекая фискала на роль стряпчего, «доказывать, и оное исследование немедленно послать в Горное начальство для вершения». В случае если «дело велико и весьма похищение или злохитрость явная», надлежало взять подозреваемого под караул, опечатать дом, пожитки, особенно письма; то же предпринять в отношении старых подьячих. Подьячих средних, младших, мастеров предписывалось «держат под караулом, дворы запечатать и о преступлениях их писать в Горное начальство, приложат с протчими свое мнение, и ожидать о наказании указа». Остальных — «отсылать к земскому суду к пытке» (п. 2) [Там же, с. 71].

Взаимодействие с Горным начальством в отправлении судных дел предусматривалось и в случаях, если «дело указов согласных с учинением не имеет», т. е. в законодательных актах не оговаривались меры наказания за какие-то конкретные преступления. Тогда предписывалось «призвать в совет <...> не меньше

четырёх человек и, подписав каждому свое мнение, прислать в Горное начальство немедленно», чтобы «беспутно» колодников не держать (п. 5) [Татищев, с. 71].

С другой стороны, если никого из начальства на месте не будет, а решение дела нельзя откладывать, разрешалось «взяв с собою протчих управителей <...> исследовать, и ежели великой важности нет, то с общего совета учинить решение» (п. 6) [Там же]. Эта оговорка свидетельствует, что заводской суд на уровне среднего звена, заводского комиссара, рассматривался в наказе все-таки как исключение из правил, вершить его должно было Горное начальство.

Оговаривался и состав законодательных актов, которыми следовало руководствоваться при рассмотрении дел: «вершить оные по Уложению и печатным указом» (п. 1) [Там же]. При этом Татищев указывал на недостатки Соборного уложения: «в Уложенье многих статей, а особливо о ущербе денег и припасов, не находитца, иное невнятно, не истолковано». За первые полтора года работы в качестве начальника заводов ему, видимо, пришлось на практике столкнуться с этим, поэтому предписывалось: «в пристойных делах брать статьи из Военного артикула, и, такие статьи выписав, прочитав ныне всем служителем, чтоб ведали, за что какая казнь» (п. 6) [Там же].

Предусматривались случаи взаимодействия заводского и земского судов. В случае, если кто-то из заводских людей будет недоволен решением земского судьи в отношении ответчика-крестьянина или волокитою в решении дела и подаст челобитную об этом заводскому комиссару, то последний должен прояснить дело у судьи и донести в Горное начальство, а без разрешения начальства дело к рассмотрению не принимать. Если земский судья потребует заводских людей в качестве ответчиков, таких разрешалось «отсылать, не отписываясь», но смотреть, чтобы мастеровой «напрасно оскорблен или разорен не был». Снова оговаривалось: «Того ради заводским служителем, всяких ремесл людям под суд земского судьи не ходить, разве по причине от вас от[о]слан будет». Предусматривалась и практика присутствия заводского комиссара в земском суде: «Ежели земской управитель будет требовать тебя в совет, и тебе чинить также и подписывать с ним обще» (п. 4–5) [Там же]. Таким образом, Наказом 1723 г. впервые была четко регламентирована организация суда над заводскими людьми.

Содержание п. 18 свидетельствует, что заводской комиссар, хотя и не должен был вмешиваться в дела о денежных сборах, подряде работников, суде крестьян, но, видя «неисправы», был обязан письменно и устно напомнить об этом 2–3 раза земским комиссарам. В случае неисправления дел, донести в Горное начальство, «объявля их погрешение», а если не сделает этого, пострадает вместе с ними. Заводской комиссар обязывался наблюдать и за работой застав и, увидев что-то, «противное указом», напоминать об этом и опять-таки доносить начальству [Там же, с. 73].

В п. 21 четко определялись разновидности документов, которыми следовало обмениваться учреждениям и должностным лицам: «Завоцкому комиссару в Горное начальство писать доношения; к земскому комиссару, казначею и судье

промемории», т. е. они являлись равными в обращении друг с другом, «а протчим всем», т. е. нижестоящим — «указами, також от них получать по тому же». В свою очередь, заводские приказчики должны были обращаться в Горное начальство, к заводскому комиссару, земскому и судебному комиссарам, казначею доношениями. Между собой же приказчикам, как равным, полагалось обмениваться промемориями [Татищев, с. 73].

Эти положения — еще одно убедительное доказательство возвышения заводского комиссара, как и казначея, сидевшего с ним в канцелярии, над управителями заводов — Уктусского, Алапаевского, Каменского; Екатеринбургский же завод, как самый важный и крупный среди других, заводской комиссар возглавлял сам.

Обращает на себя внимание п. 7 главы, которым предусматривался своеобразный контроль со стороны членов среднего уровня управления заводами над членами вышестоящего Горного начальства. Он появился, видимо, в связи с тем, что новый начальник заводов, генерал-майор В. И. де Геннин, погруженный в поток заводских дел — строительство заводов, обеспечение их специалистами и приписными крестьянами, находившийся в постоянных разъездах, — не имел времени, да и желания решать канцелярские дела, а члены начальства порой ими манкировали. Неслучайно в личном письме Татищева президенту Берг-коллегии Я. В. Брюсу от 9 ноября 1722 г. появились такие строки: «Здешния Горного начальства дела с сожалением смотрю, ибо многия указы и дела, решения и исполнения требующия, лежат и исполнять некому, советник не хочет, бергмейстер також опасается, яко чюжеземец, дабы неведением не впасть в погрешение, а Патрушев болен. И руского такова, кто б вместо меня в денежных расходах и приказных делех им помоществовал никого нет, а генерал-майор також вступать не хочет» [Там же, с. 65].

В главе третьей «*О строении и содержании заводов*» Татищев особое внимание уделяет чертежам как важнейшим документам, которыми следует руководствоваться при строительстве заводов, возведении любых строений при них, в том числе домов заводских жителей. «Надлежит вам над заводами надзирать, дабы строены были по данным чертежам плотно и чисто из добрых припасов...». Запрещалось без указа Горного начальства вносить какие-то поправки в строения против чертежа: «Строения при заводех над данной чертеж без указа от Горного начальства не прибавливать и не убавливать не токмо казенного, но ни собственных излишних». В случае необходимости внести какие-то поправки в отсутствие членов Горного начальства предписывалось созвать двух-трех лучших управителей для совета, подать их мнения начальству и ждать указа. Лишь в случае малых «прибавок» разрешалось действовать самим. В Екатеринбурге дома, возведенные не по чертежу, если хозяин «захватит или уступит [от] улицы», предписывалось ломать; на «старых заводех» строго следовать чертежу при новом строительстве (п. 1–4) [Там же, с. 73].

Согласно главе четвертой «*О приходе и покупке припасов*», к строящемуся Екатеринбургскому заводу определялся особый надзиратель припасов и четыре

целовальника: «к лесам и углю <...>, к руде, камню, кирпичю <...>, к припасом анбарным двух». Поскольку им определено было жалованье «довольное», требовалось, чтобы сами были грамотные и по ним давались поруки. Фиксирование припасов предусматривалось тем же порядком, что и денег. Надзиратель припасов («надсмотрщик») должен был иметь в приказе свою приходную книгу, в нее записывать имя, «у кого, по какому указу или по письму в какую потребу колико чего принято», указать номер этого указа или письма, закрепить выдачу должен был комиссар своей подписью. При этом в особой графе полагалось указать цену каждой вещи цифрами. Целовальнику предписывалось иметь свою памятную книгу, в нее записывать, «какого числа, кому отдано, от кого принято и колико дано малейшей вещи», закреплять подписью надсмотрщику. Заводской комиссар, получив указ или письмо о приеме припасов, должен был на нем «подписать», кому принять припасы — надсмотрщику или целовальнику «имянно», т. е. указать фамилию, а тот уже оформлял поступление в своей книге в тот же день. В конце п. 2 еще раз оговаривалось: «весьма того хранить, чтоб ни малейшая вещь без записки в книги оставлена не была и, конечно, записать того ж числа» [Татищев, с. 74].

Подобные же правила излагались в главе пятой «*О росходе и продаже припасов*» [Там же, с. 77–79]. Также полагалось заводить книгу «расходную» и «памятную» (п. 1). «Без письменного указа ни малой вещи вам никуда не отпущать и в расход не записывать ни по чьему словесному приказу или требованию под запластою тройныя цены» (п. 4), т. е. отпуск какой-либо вещи без разрешения вышестоящего начальства означал самовольство и грозил взиманием тройной ее стоимости из оклада. Лишь «в случаях скоро нужных и необходимых» разрешалось сделать это «по словесному» приказу, «но немедленно взять письменно». Даже если требовалось «на краткое время кому какую вещь отдать, то записать в паметную книгу». В связи с этим предписывалось в памятной книге «оставить поле больше», чтобы «отметить прием назад, а статьи не чернить» (п. 4). Оговаривался порядок составления описи на изъятые «опальные пожитки»: «немедленно велеть их казначею при фискале переписать и, оценив, отдать ему» для продажи (п. 9).

О получении денег за продажу любых заводских припасов (кованого железа, угля, чугуна, котлов и т. п.) комиссар должен был «писать к казначею» (п. 12). Если кто будет просить изготовить партию дополнительно по образцам, комиссар должен был «учинить договор», взять задаток и сообщить об этом казначею, и только тогда выполнять заказ; «не получа от казначея отповедь, что денег заплачено или кто в долг берет, поруки добрые собраны ль, припасов не отдавать» (п. 13).

Впервые в ст. 18 четко определялся порядок выдачи припасов мастерам. Констатировалось, что, если мастеру писать доношение надсмотрщику или целовальнику о выдаче припасов, ждать указа, записи в книги, а бывают заказы срочные, это «продолжит токмо время и может нанести вред». Поэтому предписывалось: «Всякому мастеру надлежит у себя иметь книгу в десть и меньше или

больше, смотря по потребности, обшиту в коже, закреплена по листам вашей или надсмотрщицкою рукою». В этой книге мастер на одной странице отмечал приход, на другой расход материалов. Сам должен был вписать, что ему нужно, комиссар написать: «отпустить». Надсмотрщик в своей книге памятной отмечал выдачу, мастер подписывал, например, «Иван Чигирин принял». Кроме того, мастеру полагалось расписывать на чистой странице, что сделано им за неделю, комиссару отмечать: «принять». Целовальник, принимавший припасы, должен был расписаться в книге мастера и внести в свою памятную книгу принятые изделия. Предусматривалось ведение мастером «особой» книги с записью, «кто у него работники были», на ее основе он должен был составлять и подавать ведомость в конце каждой недели. Примечательна оговорка: «которые мастера сами писать не умеют, даны им в научение школьники».

Согласно главе шестой «*О работниках, кем и в которых времена отправлять*», предусматривалось в конце года, в декабре или ранее, подать ведомости в Горное начальство — «каких припасов и работников к каким работам к предбудущему году потребно». Эти ведомости предусматривалось обсудить в начальстве, призвав заводского и земского комиссаров, казначея: какие работы производить крестьянам, какие подрядом, сколько работников и к какому заводу понадобится. Заводскому комиссару полагалось подписаться под этим решением, на его основе должны были рассылаться указы начальства: земскому комиссару о крестьянах; казначею, чтобы подряжал или покупал припасы; заводскому комиссару, чтобы знал, какие работы предстоят, откуда получать припасы (п. 1) [Татищев, с. 78–80].

Приветствовалось выполнение работ наймом, при этом надлежало составить договор казначею в начальстве или при комиссаре, подписать с обеих сторон, комиссару передавался «список» с него, чтобы он следил за выполнением работ, с согласия казначея определял задаток, подписывался на договоре о выполнении работ, после чего казначей выдавал оставшуюся сумму. Если подрядчик, получив большой задаток, уходил, не выполнив всю работу, комиссар должен был исправить ее «своим иждивением» и получить остальные деньги по договору (п. 4) [Там же, с. 80].

Надсмотрщик или мастер должны были вести учет работы поденщиков, записывать, кто в какой день у какой работы был и по субботам подавать подписанные ими росписи комиссару, он, освидетельствовав выполнение работ, подписывался сам и подавал эту роспись вечером казначею для оплаты (п. 5).

Заводской комиссар обязывался посылать к казначею письма по третям года с указанием, «колико кому надлежит зачесть» за работу, выполненную приписными к заводам крестьянами. Устанавливались нормы выполненных работ: «добрым» работникам с ноября до середины февраля — пешему 3 коп., конному 5 коп.; с середины февраля по 15 мая — соответственно 4 и 6,5 коп.; с 15 мая до 1 сентября — по 5 и 7 коп. (п. 10). В пунктах 10–11 расписывались конкретные часы работы в зависимости от времени года, праздничные дни, которых набиралось, по нашим подсчетам, 37 в году [Там же, с. 80–81].

И, наконец, надсмотрщики должны были каждый вечер отчитываться о выполненных за день работах и получать от заводского комиссара приказ, что делать на следующий день. И для записи таких приказов каждому надсмотрщику — «лесному, работному и припасов» — полагалось иметь «особную книгу и записывать вместо указов», а комиссару «записать в канцелярии в дневальную книгу» (п. 13) [Татищев, с. 81].

В главе седьмой «*О ведомостях, как оные сочинить, от кого о чем требовать и кому подавать*» были сведены воедино все сведения о составлении ведомостей, имевшиеся в предыдущих главах. Комиссару и заводским приказчикам, каждому на своем заводе, полагалось брать в конце недели ведомости от мастеровых и надзирателей, «что у кого каких припасов в приеме <...>, что из них сделано, и что ему припасов или снастей новых или старых починить надобно», как о том написано в главах о припасах и работах (п. 1). Также брать ведомости недельные о работниках, кто у какой работы был, сколько следует за это заплатить, «у окладного за прогул вычесть», и «что к предбудущей седмице людей потребно» (п. 2) [Там же].

Отменялось составление месячных приходно-расходных ведомостей «для многого труда», за исключением «об работных людях от земского комиссара» (п. 3). Ведомости прихода и расхода припасов отныне должны были составляться по третям года, устанавливалась их форма в виде пяти колонок: с указанием «звания по азбуке, а в графах числа, в первой в приходе, второй в росходе, третей в остатке, в четвертой надобно впреть». Надсмотрщики должны были подавать их заводскому комиссару, комиссар — в Горное начальство, устанавливался конкретный срок подачи начальству — «по прошествии трети в восьмой день». За каждый день промедления грозил штраф: 5 коп. с комиссара, 5 коп. с подьячих; столько же за каждый день исправления в случае подачи с ошибками. Если ведомость была подана неисправной мастером или надсмотрщиком, то с них надлежало «доправить за день по три копейки» (п. 4) [Там же, с. 81–82].

На заводского комиссара возлагалась обязанность сочинения ведомостей о припасах, необходимых для заводов на следующий год, работниках, сколько и каких надобно. Подавать ведомости предписывалось 20 декабря, чтобы успеть купить на ярмарках и принять решение, «не испустя времени». За промедление в подаче этих ведомостей штраф грозил еще больший — по гривне за каждый день с комиссара, со старого подьячего — 5, среднего — 3, с молодых — 2 коп. В январе и феврале месяце по возможности предписывалось «канцелярские дела отставить, а отправлять щеты всех ремесл в приходе и росходе всяких припасов», в марте подать их в Горное начальство «под штрафом двойным против вышеобъявленного». О начетах немедленно сообщать казначею, чтобы он удержал выдачу у проштрафившихся (п. 4) [Там же, с. 82].

Анализ семи первых глав наказа 1723 г., в которых в основном и излагались нормы, касающиеся документирования деятельности заводского комиссара, позволяет сделать вывод о большой роли этого документа в формировании заводского делопроизводства на казенных заводах Урала. В этом документе

Татищев сделал значительный шаг вперед в развитии норм первого наказа 1721 г. Определил появление новых видов «записных книг», установил порядок их составления; ввел систематизацию документов по разновидностям и хронологии при формировании дел; уточнил состав новой разновидности документов — дневальных книг, введенных наказом 1721 г.; уделил специальное внимание практике использования чертежей; сформулировал требование о составлении реестров (описей) документов внутри дела, предпринял меры к усилению сохранности документов. Новшеством являлось установление разновидностей документов, которыми следовало обмениваться заводскому комиссару и его канцелярии с вышестоящими учреждениями и лицами, нижестоящими, равного уровня, что явилось важным шагом в складывании системы взаимоотношений учреждений, действовавших на горнозаводском Урале. Особое внимание было уделено документам, касающимся приобретения, продажи, расхода заводских припасов, порядка выдачи их мастерам; учету работ мастеровых и приписных крестьян. Четко определялось содержание таких документов, порядок их составления, сроки подачи. Также тщательно расписывался порядок составления и движения ведомостей, начиная от мастеровых и надзирателей, кончая их подачей Горному начальству. Эти нормы многие годы использовались на всех уровнях управления, благодаря чему отложился разнообразный состав документов, которые стали важными потенциальными источниками для многих поколений исследователей, изучающих историю Урала начала XVIII в.

Источники

- ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а; Оп. 12. Д. 1636а.
ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 6. № 3534. С. 141–160.
РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1036.

Исследования

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горн. журн. 1826. Кн. 5. С. 87–149.

Герман И. Ф. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург : В Горн. тип., 1810. Ч. 1.

Иванов П. А. Краткая история управления горною частию на Урале. Екатеринбург : [б. и.], 1900.

Козлов А. Г. Фонд «Уральское горное управление» (1719–1917 гг.) как основной источник по истории казенных заводов и фабрик Урала // Из истории заводов и фабрик Урала : сб. ст. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1960. Вып. 1. С. 14–29.

Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. М. : Изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1861.

Порунов М. В. В. Н. Татищев как организатор делопроизводства на казенных заводах Урала в 1720–1722 гг. // Одиннадцатые Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–19 нояб. 2015 г.) / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2015. С. 67–71.

Сафронова А. М. Роль В. Н. Татищева в организации первой медицинской службы на Урале в начале 20-х годов XVIII века // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): материалы Третьей Всерос. науч. конф. : в 2 т. Омск : ОмГУ, 1998. Т. 2. С. 47–51.

Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734): К 275-летию основания. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Сафронова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург : Независимый ин-т истории материальной культуры, 2002.

Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014.

Соболева Л. С. Горнозаводской «Домострой» В. Н. Татищева // Из истории уральского золота. К 250-летию открытия золота на Урале и основания города Березовского / Свердлов. обл. краеведч. музей ; редкол.: А. Г. Нестеров, Т. В. Андреева, Б. М. Еловиков. Екатеринбург : Банк культ. информ., 1995. С. 14–22.

Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М. : Наука, 1990.

Чутин Н. К. Василий Никитич Татищев, жизнь его с 1722 до 1734 года // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Пермь : Тип. губ. прав., 1882. С. 69–98.

Юхт А. И. Деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1720–1722 гг. // Ист. зап. 1976. Т. 97. С. 124–199. Прил. № 1. С. 182–190.

Статья поступила в редакцию 25.01.2017

Порунов Максим Владимирович
аспирант кафедры архивоведения
и истории государственного управления
Уральский федеральный университет
620075, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: maxim.v.porunov@gmail.com

Сафронова Алевтина Михайловна
доктор исторических наук, профессор
кафедры архивоведения и истории
государственного управления
Уральский федеральный университет
620075, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: alevtina.safronova@gmail.com

Porunov, Maxim Vladimirovich
Postgraduate Student,
Chair of the Archival Science
and History of Public Administration
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620075 Yekaterinburg, Russia
Email: maxim.v.porunov@gmail.com

Safronova, Alevtina Mikhailovna
Dr. Hab. (History), Professor,
Chair of the Archival Science and History
of Public Administration
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620075 Yekaterinburg, Russia
Email: alevtina.safronova@gmail.com

**THE 1723 INSTRUCTION FROM VASILY TATISHCHEV
TO FACTORY COMMISSIONER FYODOR NEKLYUDOV
ABOUT DOCUMENTING HIS ACTIVITY
AND IMPROVING THE OPERATIONS OF THE OFFICE**

The article analyses the rules of Instruction to Factory Commissioner Fyodor Neklyudov from the point of view of documenting his work and the work of the office under him for the first time in domestic historiography. The Instruction was designed

by V. N. Tatishchev immediately after he was exculpated following the complaint of N. Demidov, and was granted access to decision-making in the mining management in October, 1723. It is the most important and voluminous regulatory document developed by Tatishchev during the first period of his stay in the Urals between 1720 and 1723. The provisions of Instruction were an important step in the development of the standards of General Regulations (1720) in relation to the factory records management, and laid the foundations of its organization in the local government and in the enterprises themselves. A comparison of this document with the Instruction to the Factory Commissioner T. Burtsev of 1721 and other Tatishchev's regulatory acts, involving similar issues, allows the authors to draw conclusions about the appearance in 1723 of new types of record books registering incoming, outgoing and internal documents, the introduction of norms for drawing up documents, as well as of their systematization, and reinforcement of document preservation. The instructions formulated requirements for drawing up registers (inventories) of documents on a case, described the types of documents the factory Commissioner and his office were supposed to exchange with higher institutions and officials, as well as subordinate ones, and those of the same level.

Key words: V. N. Tatishchev; the Urals; state-owned factories; factory commissioner; instruction; records management; office work; performance documentation.

Berkh, V. N. (1826). Zhizneopisanie general-leitenanta Vilima Ivanovicha Gennina, osnovatelya Rossiiskikh gornykh zavodov [A Biography of Lieutenant-General Vilim Ivanovich de Gennin, the Founder of Russian Mining Plants]. *Gornyj zhurnal*, 5, 87–149. (In Russian)

Chupin, N. K. (1882). Vasilii Nikitich Tatishchev, zhizn ego s 1722 do 1734 goda [V. N. Tatishchev, His Life from 1722 to 1734]. *Sbornik statej, kasajushchikhsja Permskoj gubernii i pomeschennykh v neofitsialnoj chasti Gubernskikh vedomostej v period 1842–1881 gg.* [A Collection of Articles Related to Perm Province and Placed in the Informal Social Part of the Provincial Statements between 1842 and 1881] (pp. 69–98). Perm: Tip. gubernskogo pravleniia. (In Russian)

German, I. F. (1810). *Istoricheskoe nachertanie gornogo proizvodstva v Rossiiskoi imperii* [An Historical Outline of Mining in the Russian Empire] (Part 1). Yekaterinburg: V Gorn. tip. (In Russian)

Ivanov, P. A. (1900). *Kratkaia istoriia upravleniia gornoiu chastiu na Urale* [A Brief History of the Management of the Mountainous Part of the Urals]. Yekaterinburg. (In Russian)

Kozlov, A. G. (1960). Fond «Uralskoe gornoe upravlenie» (1719–1917 gg.) kak osnovnoi istochnik po istorii kazennykh zavodov i fabrik Urala [Ural Mining Administration Fund (1719–1917) as a Basic Source on the History of State Factories of the Urals]. *Iz istorii zavodov i fabrik Urala: sb. statei* [From the History of Factories of the Urals: Collected Articles] (pp. 14–29). Sverdlovsk: Middle Ural Book Press. (In Russian)

Popov, N. A. (1861). *V. N. Tatishchev i ego vremia. Epizod iz istorii gosudarstvennoi, obshchestvennoi i chastnoi zhizni v Rossii, pervoi poloviny proshedshego stoletii* [V. N. Tatishchev and His Time. An Episode from the History of the State, Public and Private Life in Russia, the First Half of the Past One Hundred Years]. Moscow: Izd. K. Soldatenkova i N. Shchepkina. (In Russian)

Porunov, M. V. (2015). V. N. Tatishchev kak organizator deloproizvodstva na kazennykh zavodakh Urala v 1720–1722 gg. [V. N. Tatishchev as the Organizer of Office Work at State Factories of the Urals between 1720 and 1722]. In G. E. Kornilov (Ed.), *Odinadtsatye Tatishchevskie chteniia: materialy vsenos. nauch.-prakt. konf. (g. Ekaterinburg, 18–19 noiab. 2015 g.)* [Eleventh Tatishchev Readings: Materials of All-Russia Scholarly Practical Conference, Yekaterinburg, 18–19 November 2015] (pp. 67–71). Yekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI. (In Russian)

Safronova, A. M. (1998). Rol V. N. Tatishcheva v organizatsii pervoi meditsinskoj sluzhby na Urale v nachale 20-kh godov XVIII veka [The Role of V. N. Tatishchev in the Organization of the First Medical Service in the Urals in the Early 1720s]. *Kultura i intelligentsija Rossii: sotsialnaja dinamika, obrazy, mir nauchnykh soobshchestv (XVIII–XX vv.): materialy Tretei Vseros. nauch. konf.* [Culture and Intelligentsia in Russia: Social Dynamics, Images, World of Academic Communities (18th–20th Centuries): Proceedings of the Third All-Russia Scholarly Conference] (Vols. 1–2). (Vol. 2, pp. 47–51). Omsk: Omsk State University. (In Russian)

Safronova, A. M. (2000). Pervye shkoly Ekaterinburga (1724–1734): K 275-letiiu osnovaniia [The First Schools of Yekaterinburg (1724–1734): 275th Anniversary of the Foundation]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Safronova, A. M. (2002). *Selskaia shkola na Urale v XVIII–XIX vv. i rasprostranenie gramotnosti sredi krestian* [Rural School in the Urals between the 18th and 19th Centuries and the Spreading of Literacy among Peasants]. Yekaterinburg: Nezavisimyi in-t istorii material'noi kul'tury. (In Russian)

Safronova, A. M. (2014). *Dokumenty organov upravleniia promyshlennostiu Rossii kak istochnik o gornozavodskikh shkolakh Urala pervoi poloviny XVIII v.* [Documents of the Industrial Management Bodies of Russia as a Source on the Mining Schools of the Urals in the First Half of the 18th Century]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Soboleva, L. S. (1995). Gornozavodskoi «Domostroï» V. N. Tatishcheva [Tatishchev's Mining "Domestic Order"]. In A. G. Nesterov, T. V. Andreeva, & B. M. Elovikov (Eds.), *Iz istorii uralskogo zolota. K 250-letiju otkrytiia zolota na Urale i osnovaniia goroda Berezovskogo* [From History of Ural Gold. To the 250th Anniversary of the Discovery of Gold in the Urals and the Founding of Berezovsky City] (pp. 14–22). Yekaterinburg: Bank kul'turnoi informacii. (In Russian)

Tatishchev, V. N. (1990). *Zapiski. Pisma. 1717–1750 gg.* [Notes. Letters. 1717–1750]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Yukht, A. I. (1976). Deiatelnost V. N. Tatishcheva na Urale v 1720–1722 gg. [V. N. Tatishchev's Activity in the Urals between 1720 and 1722]. *Istoricheskie zapiski*, 97, 124–199. (In Russian)

Received on 25 January, 2017